BX
597
.F5N68

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

МИТРОПОЛИТЪ ФИЛИППЪ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Посвящается князю А. А. Хованскому.

Т. ТОЛЫЧЕВОЙ.

МОСКВА.

1875.

Novosil'tseva, Ekaterina
" Vladimirovna
Mitropolit Filipp

МИТРОПОЛИТЪ ФИЛИППЪ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Посвящается князю А. А. Хованскому.

Т. ТОЛЫЧЕВОЙ.

МОСКВА.
Въ университетской типографіи (Катковъ)
на Страстномъ бульварѣ.
1875.

BX597
F5N68

Дозволено цензурой. Москва, 20го ноября 1875 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ біографіи митрополита Филиппа окажутся всегда значительные пробѣлы, по крайней скудости матеріаловъ. Никому не дано, къ сожалѣнію, воспроизвести всецѣло эту великую и могучую личность. Его „житіе“ писанное современнымъ ему Соловецкимъ монахомъ и соловецкая лѣтопись, — вотъ единственные документы которыми можетъ руководиться біографъ. Къ тому же „житіе“ извѣстно только въ рукописи, и не всякому удастся воспользоваться имъ. Его можно найти въ публичныхъ библіотекахъ, но очень многіе требуютъ, для занятія уединенія и тишины рабочей комнаты. * Мы полагаемъ что этотъ недостатокъ въ

* Еслибы не обязательность барона Михаила Львовича Боде, который согласился ввѣрить намъ списокъ хранящійся въ его библіотекѣ намъ было бы совершенно невозможно приступить къ предпринятому нами труду.

матеріалахъ и затрудненія ожидающія писателя, который пожелалъ бы воспользоваться ими, объясняютъ отчасти почему никто не приступалъ такъ долго къ біографіи мученика.

Преосвященный викарій московскій Леонидъ взялся первый за подобный трудъ, и мы рѣшились предпринять задачу совершенную уже имъ потому что характеръ Филиппа, по своей многосторонности, шевелитъ въ сердцѣ каждаго самыя задушевныя его струны, и легко поддается наблюденію съ двухъ точекъ зрѣнія столь различныхъ какъ точка зрѣнія біографа—духовнаго лица и біографа свѣтскаго, хотя и тотъ и другой преклоняются предъ его святостью. Мы рѣшились представить публикѣ нашъ посильный трудъ потому также что личности подобныя Филиппу жили для пользы всѣхъ и принадлежатъ всѣмъ; что самый мелкій литературный дѣятель имѣетъ право на свое мнѣніе, на свой взглядъ; что изъ различія взглядовъ и мнѣній истекаетъ наконецъ истина, и окончательно потому что какъ ни скромна дѣятельность писателя онъ можетъ принести хотя малую долю пользы, если трудится добросовѣстно.

Аще ополчится на мя полкъ,
не убоится сердце мое.
Псаломъ Давида.

I.

11го февраля 1507 года, сани и повозки московской знати тѣснились вѣроятно около двора боярина Степана Ивановича „по реклу Колычева“, любимца великаго князя Василія. Именитые гости подъѣзжали по обычаю къ самой околицѣ, другіе выходили изъ экипажей въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нея и шли пѣшкомъ по широкому двору. Всѣ спѣшили поздравить хозяина. Въ этотъ день, въ лицѣ новорожденнаго сына его Ѳеодора, семейство Колычевыхъ пріобрѣло новаго члена, русская исторія—героя, церковь—мученика.

Колычевы одного рода съ Романовыми и Шереметевыми. Они были люди именитые, роднились съ владѣтельными князьями,* отличались въ посольствахъ,

* При Димитріи Донскомъ, великій князь Тверской женилъ своего сына на дочери московскаго воеводы боярина Ѳеодора Андреевича Кошки, изъ рода Колычевыхъ.

на царской службѣ, на воеводствѣ. Дѣдъ младенца Ѳеодора сложилъ голову подъ Нарвой, а Степанъ Ивановичъ славился своимъ „ратнымъ духомъ“. Кромѣ того, и онъ самъ, и жена его были извѣстны всему городу своимъ благочестіемъ и любовію къ нищей братіи. Сынъ ихъ росъ въ честной и религіозной средѣ, и они позаботились о томъ чтобы дать ему воспитаніе соотвѣтствующее его роду и духу времени. По выраженію его жизнеописателя, они „повелѣваютъ его вручити художной хитрости, еже Божественному Писанію.... и на избранныхъ и урядныхъ конѣхъ соѣздити лочасту“.

Въ этихъ отрасляхъ знанія заключался полный курсъ наукъ тогдашней аристократіи. Верховая ѣзда, упражненіе копьемъ и мечомъ и изученіе церковныхъ книгъ считалось крайнимъ предѣломъ образованности. Татарское иго надолго придавило зародыши нашего развитія, и скудна была умственная среда древней Россіи. Самое ратное дѣло, къ которому на всякій случай пріучали сызмала ребенка, было не что иное какъ случайность. О внѣшней политикѣ, если наши тогдашнія отношенія съ иностранными державами

заслуживаютъ это имя, можно сказать точно то же, а свои домашнія дѣла рѣдко касались общихъ интересовъ и требованій. Придворныя обязанности заключались единственно въ исполненіи службы при особѣ государя; съ произведеніями искусства лишь по временамъ знакомили насъ византійскіе художники; о наукѣ мы не имѣли даже отдаленнаго понятія, и наиболѣе „богатыя“ библіотеки состояли изъ Псалтырей, Четь-Миней и немногихъ рукописей духовнаго содержанія. Но не безплодно тяготѣло надъ Россіей два съ половиной столѣтія иноземное иго. Вынесенныя страданія укрѣпили въ народѣ духъ вѣры и воспитали въ немъ потребность молитвы. Элементъ религіозный, развиваясь постоянно, тогда какъ всѣ остальные были подавлены, сдѣлался *жизненнымъ* элементомъ страны и поглотилъ почти всѣ другія потребности человѣческой природы. Царь, на которомъ лежали обязанности болѣе сложныя и разнообразныя чѣмъ на комъ бы то ни было изъ его подданныхъ, проводилъ часть дня въ церкви. Онъ вставалъ рано и одѣвшись становился на молитву, послѣ которой дьякъ читалъ ему поученіе изъ сборника „Словъ“,

подневно распредѣленныхъ на цѣлый годъ, сообразно съ празднованіемъ или съ ламятованіемъ того или другаго святаго. По окончаніи чтенія царь слушалъ заутреню и двухъ-часовую обѣдню, среди дня—вечерню, ложась спать произносилъ молитвы на сонъ грядущій.... Въ посты и праздники онъ присутствовалъ при всѣхъ церковныхъ службахъ, кромѣ того нерѣдко ѣздилъ или ходилъ на болѣе или менѣе отдаленное богомолье. Царь Алексѣй Михайловичъ постомъ стаивалъ въ церкви по пяти и шести часовъ сряду, клалъ иногда по тысячѣ, въ большіе праздники по полторы тысячи земныхъ поклоновъ и не касался скоромныхъ яствъ по восьми мѣсяцевъ въ году. Также ходили на богомолье, постились и молились бояре и народъ.

Но сквозь общее благочестивое настроеніе проглядывали однако стремленія которыя иногда могутъ быть подавлены средой, но рѣдко вымираютъ въ человѣкѣ. Наши боярыни, заключенныя въ теремахъ, и наши бояре задумывались подчасъ надъ былыми судьбами родной страны, и люди зажиточные, для удовлетворенія своей любознательности, давали пріютъ бездомнымъ

старикамъ, держали сказочниковъ и пѣсенниковъ. На вечернихъ посидѣлкахъ пѣвалось и сказывалось о томъ что одни видѣли сами, что преданіе сохранило въ памяти другихъ: о житьѣ-бытьѣ отжившихъ поколѣній, о временахъ злой Татарщины.... Но блѣдные отголоски минувшаго не утоляли жажды знанія. Умъ сколько-нибудь обширный не находилъ удовлетворенія въ старческихъ разказахъ; пылкому воображенію было недостаточно однѣхъ пѣсенъ. Иныя природы требуютъ отъ жизни элемента полнаго, всецѣлаго которому можно бы всецѣло отдаться: для нихъ въ древней Руси выбора не было. Одна религія достигла развитія способнаго поглотить всѣ мечты, всѣ стремленія, всю умственную жизнь человѣка, и натуры страстныя, могучія посвящали себя Богу, или погибали.

II.

Ѳеодоръ Колычевъ родился съ энергическими задатками требующими развитія, съ нравственными силами домогающимися дѣятельности и простора. Онъ съ малыхъ лѣтъ любилъ уединеніе, не находилъ друзей въ кругу своихъ сверстниковъ, не принималъ уча-

стія въ рѣзвыхъ забавахъ, и искалъ въ бесѣдѣ со взрослыми отвѣта на неясныя мысли бродившія въ его головѣ. Его плѣняло все что выходило изъ ряда повседневной жизни, что стояло выше общаго уровня. Душа его чуждалась окружающаго будничнаго міра, и откликалась, на всѣ геройскія доблести; а онѣ выражались для него лишь въ подвигахъ отшельниковъ и мучениковъ. И онъ съ умиленіемъ читалъ и перечитывалъ ихъ житія въ немногихъ книгахъ находящихся въ родительскомъ домѣ. Гостепріимство было одною изъ главныхъ добродѣтелей нашихъ предковъ и съ особеннымъ почетомъ принимались странники и богомольцы, приносившіе подъ кровъ благословеніе Божіе; всѣ встрѣчали ихъ лаской и привѣтомъ. Для нихъ топили баню, гдѣ они могли понѣжить усталые члены, приготовляли пуховыя постели, уставляли столъ вкусною ѣдой и сладкимъ питьемъ. Они же, утоливъ голодъ и отдохнувъ, поучали хлѣбосольныхъ хозяевъ повѣстью о своихъ странствованіяхъ. Съ неусыпнымъ вниманіемъ слушалъ эти разсказы молодой Колычевъ. Особенно любилъ онъ повѣствованія о далекихъ Соловецкихъ ос-

тровахъ, лежащихъ среди бурнаго льдистаго моря. Слышалъ о нихъ Ѳеодоръ, по выраженію его біографа, „отъ многихъ неложныхъ языкъ“, и зналъ что люди долго не дерзали ставить на нихъ своего жилья и что видѣли ихъ лишь рыбаки, подъѣзжавшіе къ нимъ съ сѣтями. Но, лѣтъ около ста назадъ, вѣщали странники, приблизился къ берегу утлый челнъ, управляемый двумя неустрашимыми гребцами. Одинъ былъ еще молодъ и полонъ силъ, другой сѣдъ и дряхлъ: обоими руководилъ Духъ Божій. Они причалили, и старецъ—звали его Савватіемъ—водрузилъ на дѣвственной почвѣ деревянный крестъ. Потомъ онъ остался одинъ среди пустыннаго острова; ангелы Божіе посѣщали его, приносили ему пищу, а умеръ онъ стоя на молитвѣ. Передавали также странники что послѣ его кончины опять прибылъ на Соловецкіе острова Германъ, молодой его спутникъ, съ другимъ юношей, по имени Зосимой, и что поставили они себѣ убогія хижины около воздвигнутаго Савватіемъ креста, посвящая Богу свою свѣтлую юность. Вскорѣ стали стекаться къ нимъ люди бѣжавшіе отъ мірскаго соблазна, и заложилъ Зосима на пустынномъ островѣ

обитель, стоящую и теперь, гдѣ почиваютъ нетлѣнныя мощи первыхъ отшельниковъ, гдѣ иноки живутъ въ постѣ и молитвѣ, какъ жили первые христіане, и гдѣ витаетъ духъ Зосимы и Савватія.

Воспламенялось воображеніе Ѳеодора при этихъ разсказахъ. Сколько разъ мечталъ онъ о томъ чтобы покинуть царскій городъ, укрыться въ эту пустыню, куда не проникала мірская суета, и поклониться землѣ хранящей слѣдъ ангельской стопы. Горячая вѣра охватывала все болѣе и болѣе его душу и охраняла его отъ искушеній молодости. Цѣломудрый какъ Іосифъ, онъ не останавливалъ взора на женской красотѣ и отказался отъ брачной жизни. Иная, высшая доля манила его, но не настала еще минута которая должна была рѣшить его судьбу.

III.

Скончался великій князь Василій. Ѳеодоръ Колычевъ явился ко двору правительницы, и занялъ мѣсто уготованное ему службой предковъ. Добрая молва о немъ, по словамъ его біографа, уже дошла до великокняжескаго семейства еще при жизни Василія, и Елена

приняла его съ почетомъ, а ребенокъ Іоаннъ привязался къ нему „преизлихо“.

Правительница любила роскошь и щеголяла при иностранцахъ пышностью своего двора: много пировъ и праздниковъ видѣлъ молодой Колычевъ въ продолженіе трехлѣтней своей службы. Два раза пріѣзжали съ привѣтомъ ко двору послы Густава Вазы, и долго толковала Москва о блестящемъ пріемѣ котораго удостоились Шигъ-Алея, бывшій властитель казанскій, и его жена, явившіяся „холопами“, бить челомъ великой княгинѣ и Іоанну, и повидѣть ихъ свѣтлыя очи. Елена, возвращая имъ утраченный престолъ, приняла ихъ съ великимъ торжествомъ и угостила царственно. Роскотно были убраны столы, чинно служили стольники и чашники, заморскія вина лились въ серебряные и золотые кубки, и никогда еще, говоритъ лѣтописецъ, не было такой великолѣпной трапезы при дворѣ Московскомъ.

Но блескъ великокняжескихъ палатъ не могъ плѣнить ума возвышеннаго, сердца готоваго промѣнять всѣ блага мірскія на уединеніе и молитву. Не для придворной среды былъ созданъ Ѳеодоръ. Основываясь на всемъ складѣ его характера, мы можемъ съ вѣроятіемъ

полагать что мягкая и правдивая душа его глубоко возмущалась придворными интригами, жестокостью Елены и наглостью ея любимца, хотя не находимъ на то указаній въ его жизнеописаніи. Разыгралась кровавая драма князя Андрея Старицкаго. Когда, довѣрившись клятвеннымъ обѣщаніямъ Телепнева-Оболенскаго, онъ явился въ Москву, Елена велѣла немедленно оковать его и посадить въ темницу, а къ женѣ его и сыну приставили стражу. Не былъ пощаженъ никто изъ приверженцевъ несчастнаго: ихъ пытали. Иные погибли въ мукахъ, другіе въ заточеніи. Новогородцы передавшіеся Андрею также поплатились за это жизнью. Въ числѣ ихъ находились четверо Колычевыхъ: одинъ былъ брошенъ въ тюрьму, остальныхъ били кнутомъ, подвергли пыткѣ и повѣсили на Новогородской дорогѣ.

Наши предки глубоко уважали родственныя связи: Ѳеодоръ не могъ мириться съ мыслью что живетъ среди людей обагренныхъ кровью его близкихъ. Душа его тосковала, и онъ искалъ утѣшенія въ молитвѣ. Разъ стоялъ онъ за обѣдней въ какомъ-то особенномъ настроеніи духа, и преклонилъ голову, ког-

да священникъ произнесъ: „отъ Матѳея Святаго Евангелія чтеніе“. „Никто же“, гласило божественное слово, „можетъ двѣма господинома работати: либо одного возлюбитъ, а другаго возненавидитъ... Не можете Богу работати и мамонѣ.“ Давно знакомыя слова раздались въ сердцѣ Ѳеодора какъ что-то доселѣ невѣданное. Ему показалось что ни къ кому иному, а къ нему обращалась рѣчь Спасителя: „Не можете Богу работати и мамонѣ“, и Ѳеодоръ отрекся отъ мамона и рѣшилъ работать Богу.

IV.

Не легко было осуществить въ тайнѣ задуманное дѣло. Горе домашнихъ, слезы матери, увѣщанія отца... Намѣреніе Ѳеодора было твердо: но не безъ сердечной тоски помышлялъ онъ объ его осуществленіи и исполнилъ его... Приготовивъ все къ бѣгству, онъ улучилъ удобную минуту, замѣнилъ свое богатое платье крестьянскимъ кафтаномъ, надѣлъ лапти и съ глазами полными слезъ переступилъ, въ послѣдній разъ, порогъ родительскаго дома. Одна.о не покинетъ онъ роднаго города не сказавъ прощальнаго слова святому Кремлю и его соборамъ, гдѣ молился бывши

ребенкомъ. И Ѳеодоръ идетъ въ Кремль. Онъ съ рыданіемъ прилдаетъ къ мощамъ святителей, проситъ ихъ заступничества и благословенія Божія. „Наставн мя на путь Твой, Господи“, молитъ онъ, „и пойду во истинѣ Твоей.“

Но домашніе могутъ замѣтить его отсутствіе; время дорого: Ѳеодоръ спѣшитъ выйти никѣмъ не замѣченный изъ города, и вотъ ужь онъ выбрался на большую дорогу, и Москва пропадаетъ изъ его глазъ...

Куда же направитъ онъ свой путь? Къ сѣверу, къ отдаленнымъ Соловецкимъ островамъ, куда зовутъ его уже давно образы Зосимы и Савватія. Путешествіе продолжалось около четырехъ мѣсяцевъ по малонаселенному краю. Приходилось идти болотами, дремучими лѣсами; ночевать подъ открытымъ небомъ. Ѳеодоръ не разъ сбивался съ пути, но всей вѣроятности терпѣлъ голодъ и многія лишенія: но при немъ была его вѣра и молодыя силы... Лѣто сіяло во всей своей красотѣ, путникъ вдыхалъ полною грудью живительный воздухъ лѣсовъ и полей, и бодро стремился къ желанной цѣли. Онъ почувствовалъ однако необходимость отдыха и остановился у Онеж-

скаго озера. По берегу пестрѣли деревушки. Ѳеодоръ нашелъ пріютъ въ одной изъ нихъ. Крестьянинъ, по имени Суббота, позвалъ его подъ свой кровъ, и знатный баринъ, „ни мѣща имѣяши, ни двою ризу, ни при поясѣ мѣди, ни инаго чесого иже на потребу“, откликнулся съ радостью на гостепріимный зовъ. Ѳеодоръ оставался у Субботы „немало дней“; но дни отдыха не были проведены въ праздности. Онъ принялъ на себя должность пастуха, и лишь занималась заря вооружался посохомъ и выгонялъ на пастбище овецъ хозяина. Вечеромъ онъ возвращался къ семейному ужину, разспрашивалъ о Соловкахъ, о дорогѣ туда ведущей. Осень уже настала, слѣдовало воспользоваться послѣдними днями мореплаванія. Ѳеодоръ простился съ хозяевами и снова пустился въ путь. Дошедши до взморья онъ садится на карбасъ, и волны несутъ его къ обѣтованной землѣ. Наконецъ сбылись надежды столькихъ лѣтъ; цѣль уже близка, уже привычный глазъ гребца различаетъ вдали древесныя верхушки. Онѣ подымаются все выше и выше, онѣ словно бѣгутъ на встрѣчу путникамъ. И возрадовалось сердце

Ѳеодора „неизреченною радостію“ говоритъ его біографъ.

V.

Соловки состоятъ изъ шести сгруппированныхъ острововъ, лежащихъ у юго-западныхъ береговъ Бѣлаго Моря. Суровость климата долго отдаляла отъ нихъ человѣка. Каменистая почва не производила ничего кромѣ хвойнаго лѣса, который захватывалъ все болѣе и болѣе пространства, но росъ медленно, часто погибалъ не достигнувъ зрѣлости, и образовались въ его чащѣ глухія, непроходимыя болота. Многочисленныя озера прибавляли свою сырость къ болотистымъ испареніямъ, заражавшимъ воздухъ. Море воздвигаетъ вокругъ Соловецкихъ острововъ, въ продолженіе полугода, словно гранитную крѣпость, непроходимыя льдистыя массы.

Но съ XV вѣка старцемъ водруженъ крестъ на негостепріимной почвѣ; другимъ отшельникомъ поставлена на ней обитель. Она уже славилась строгостію жизни своихъ иноковъ; богомольцы уже приходили на поклоненіе къ мощамъ святыхъ Зосимы и Савватія, котораго считали ея первоначальнымъ основате-

лемъ. Вышедши на берегъ, Ѳеодоръ сотворилъ свою первую молитву предъ стѣнами монастыря и, поклонившись его святынямъ, пошелъ къ игумену. Алексій, такъ звали его, былъ добрый, простодушный старецъ, но строго относился къ обязанностямъ монаха. Онъ принялъ ласково пришельца, котораго не допустилъ однако до пострижения, а наложилъ на него разныя послушанія для приготовленія къ суровости монашеской жизни. Уже Зосима завелъ хозяйство для продовольствія первыхъ иноковъ обители: уже при немъ добывали изъ моря соль, которую варили и мѣняли купцамъ на предметы первой необходимости. Съ тѣхъ поръ монастырскія средства увеличились, однакожь они были еще очень скудны когда Алексій принялъ игуменство. Соловецкій лѣтописецъ упоминаетъ о немъ какъ о домовитомъ хозяинѣ, который не оставлялъ въ праздности рабочихъ силъ. Ѳеодору минуло тогда тридцать лѣтъ. Онъ росъ среди роскоши и нѣги родительскаго дома, но доля работника не пугала его. Бѣлыя, нѣжныя его руки скоро привыкли владѣть орудіями ремесленника, и онъ съ одинаковымъ усердіемъ мололъ рожь на мельницѣ, бросалъ

новодъ въ море, работалъ застуломъ на огородѣ, топоромъ въ лѣсу, или подымалъ тяжелыя ноши на боярскія плечи. Своего имени онъ не повѣдалъ никому, и неизвѣстный пришлецъ покрытый рубищемъ, ревностный труженикъ, не принимавшій никогда участія въ праздныхъ рѣчахъ грубыхъ товарищей, подвергался не разъ оскорбительнымъ словамъ, даже побоямъ. Но съ чувствомъ тайной радости несъ онъ тяжкое испытаніе; онъ далъ обѣтъ работать Богу, и работалъ Ему неусыпно.

Такъ протекло полтора года. Но когда же Ѳеодоръ облечется въ ризу, которую носили первые владыки Соловковъ—Савватій и Зосима? Когда произнесетъ онъ предъ нетлѣнными ихъ мощами окончательное отреченіе отъ міра? Томительное ожиданіе мучило его и онъ рѣшился обратиться съ просьбой къ игумену и братіи. Разъ, когда всѣ иноки собрались около Алексія, явился предъ ними Ѳеодоръ и бросился къ ихъ ногамъ. „Примите меня въ среду свою", говорилъ онъ, и его слезы молили за него. Игуменъ и братія были глубоко тронуты. Они не отвергли трогательное прошеніе, и въ назначенный день Ѳеодоръ Колычевъ произнесъ

обѣтъ въ скромной Соловецкой церкви, смѣнивъ рясу послушника монашескою мантіей.

Изъ храма вышелъ онъ подъ именемъ Филиппа.

VI.

Воспріемникъ его Іона, духовный отецъ братіи, былъ извѣстенъ въ обители святостію своей жизни и знаніемъ церковныхъ уставовъ и стольноваго лѣнія, за что и получилъ должность уставщика. Алексій отдалъ ему на обычное послушаніе Филиппа, который проводилъ цѣлый день въ церкви или на работѣ: то въ кузницѣ, то въ хлѣбнѣ, а вечеромъ возвращался въ тѣсную келію іеромонаха. Тутъ молодой отшельникъ слушалъ кроткія наставленія старца, посѣдѣвшаго на службѣ святымъ угодникамъ, и когда Іона, утомленный наконецъ дневными трудами, забывался сномъ, Филиппъ становился на молитву, въ которой изливалъ всю свою душу. И сколько разъ колоколъ созывалъ уже братію во храмъ, когда новопоставленный инокъ стоялъ еще на колѣнахъ предъ темными ликами святыхъ, хранившихъ Іону и его убогій кровъ. Искренняя привязанность скоро соеди-

нила ученика и наставника, и часто старикъ говорилъ съ умиленіемъ и тихою радостію о своемъ молодомъ другѣ: „Быть ему настоятелемъ нашей обители!“

Но тѣсно Филиппу среди монастырскихъ стѣнъ: его манила пустыня. Лишь тамъ, вдали отъ людей, подъ необозримымъ небомъ, онъ познаетъ блаженства не земныя и заликуетъ на просторѣ его душа. Алексій даетъ ему свое благословеніе на новый подвигъ, и онъ удаляется въ лѣсную глушь. Боится Филиппъ своей здоровой молодости, своей несокрушенной силы и изнуряетъ тѣло долгимъ постомъ. Онъ забываетъ міръ людской, онъ живетъ одинокъ среди лѣсовъ и озеръ, и слышитъ голосъ Божій во всѣхъ поющихъ вокругъ голосахъ природы. Но кто проникнетъ въ тайны его горячихъ порывовъ, восторженныхъ моленій и безсонныхъ ночей?..

Дни между тѣмъ проходили безсчетно за днями и онъ возвратился въ покинутую обитель. Престарѣлый Алексій уже тяготился игуменствомъ. Онъ ждалъ Филиппа, въ которомъ надѣялся найти усерднаго и способнаго помощника. По его повелѣнію пустынникъ сталъ заниматься монастырскимъ хо-

зяйствомъ. Старикъ, чувствуя постепенный упадокъ силъ, мечталъ о томъ чтобы сдать ему всѣ свои обязанности, но Филиппъ отвѣчалъ на его предложеніе рѣшительнымъ отказомъ. Тогда Алексій собралъ всѣхъ иноковъ, объявилъ имъ что старость и немощи принуждаютъ его отойти на покой, и спросилъ, кого желаютъ они видѣть на его мѣстѣ?

— Филиппа, отвѣчали всѣ единогласно.

Филиппъ молчалъ, но уклоняться долѣе не могъ, и Алексій отправилъ немедленно къ новгородскому архіепископу Ѳеодосію грамоту, въ которой просилъ его, отъ имени братіи, рукоположить Филиппа во священника и возвести его въ санъ игумена. *

Грамоту доставили въ Новгородъ нѣсколько старцевъ избранныхъ обителью. Они приняли благословеніе Ѳеодосія и сказали ему: „Владыка святый, молитъ тя соборъ Соловецкія обители, да поставивши намъ игумена посланнаго съ нами монаха Филиппа.“ Ѳеодосій, долго бесѣдовавъ съ избранникомъ, былъ

* Соловецкій монастырь принадлежалъ Новгородской епархіи.

лораженъ обширностію его ума. Лучшаго начальника въ Соловки не могъ желать архіепископъ. Онъ рукоположилъ Филиппа во священника и вручилъ ему настоятельскій жезлъ.

VII.

Въ Соловкахъ готовили торжественную встрѣчу новому игумену. Алексій, несмотря на свои недуги, вышелъ во главѣ всей братіи на пристань лишь только мелькнулъ вдали знакомый парусъ. Филиппъ вступилъ во храмъ при колокольномъ звонѣ; по выслушаніи обычной эктеніи за „благовѣрнаго государя и царя Іоанна Васильевича“ и прочтеніи вслухъ грамоты архіепископа, Филиппа возвели на игуменское мѣсто. Онъ благословилъ братію, произнесъ рѣчь и велѣлъ готовиться къ соборной обѣднѣ. За обѣдней онъ пріобщился, и вся братія приняла отъ него Святые Дары.

Но горько ему было отказаться отъ избранной прежде жизни, отъ созерцанія и молитвы. Едва силы Алексія возстановились, Филиппъ упросилъ его принять опять начальство, а самъ вновь удалился въ пустыню. Тамъ онъ пробылъ цѣлыхъ полтора года, не взирая

на осеннія бури и зимніе морозы, навѣщая монастырь лишь для принятія Святыхъ Таинъ. Богъ знаетъ сколько времени остался бы онъ еще въ своемъ уединеніи еслибъ умирающій Алексій не послалъ ему приказанія возвратиться. Пустынникъ покорился. Старецъ, благословивъ собравшуюся около него братію, молвилъ: „Азъ въ путь отецъ своихъ гряду“, и испустилъ духъ, почтенный слезами иноковъ и своего преемника.

VIII.

Новыя обязанности пробудили въ душѣ Филиппа еще неимѣвшія случая выказаться силы. Добродушный Алексій заботился неусыпно о томъ чтобы насколько возможно усовершенствовать хозяйственныя средства которыми существовала обитель со времени его предшественниковъ: Филиппъ съ первой минуты созналъ необходимость создать новыя средства, и создалъ ихъ. Къ обители было приписано нѣсколько волостей, расположенныхъ на морскомъ берегу. Великокняжескія грамоты давно уже утвердили за ней владѣніе надъ всѣми Соловецкими островами и дали ей право торговать безпошлинно извѣст-

нымъ количествомъ соли. Но доходы съ имѣній были крайне скудны, а самые острова снабжали братію лишь дровами на топливо и рыбой. Несмотря на всю свою заботливость, Алексій оставилъ хозяйственныя дѣла въ самомъ грустномъ состояніи: за десять лѣтъ до его кончины монастырь выгорѣлъ до основанія, и за совершеннымъ почти неимѣніемъ удобнаго лѣса, не успѣлъ еще отстроиться, тогда какъ число братіи постоянно увеличивалось. Все приходило въ упадокъ, слѣдовало трудиться разомъ надо всѣмъ: Филиппъ немедленно отправилъ къ царю челобитную, въ которой изложилъ бѣдственное положеніе монастыря.

Царь принялъ милостиво прошеніе и даровалъ новыя льготы на безпошлинную продажу соли. Но требуя денежныхъ средствъ игуменъ заботился не о временныхъ доходахъ обители: онъ хотѣлъ упрочить благосостояніе Соловковъ. Для достиженія этой цѣли было одно лишь средство: Филиппъ не отступилъ предъ нимъ. Онъ бодро началъ борьбу съ суровостью климата и одолѣлъ ее. Теперешніе Соловки, ласкающіе взоръ путника разнообразіемъ своихъ живописныхъ видовъ, созданіе Фи-

липла. Онъ призвалъ братію къ упорному труду. Испуганная лѣсная птица увидала впервые густыя толпы иноковъ въ глуши, гдѣ никогда человѣкъ не тревожилъ ея покоя. Нарушено было вѣковое безмолвіе пустыни; повсюду застучалъ молотъ и загудѣла пила, падали лѣса подъ топоромъ. Филиппъ сушилъ озера, рылъ каналы, набрасывалъ на нихъ плотины, прокладывалъ дороги, копалъ пруды, измѣнялъ теченіе ручьевъ, сравнивалъ горы, удобрялъ мѣстами каменистую почву. Лишь въ часы отдыха и молитвы прекращалась горячая дѣятельность. Присутствіе игумена, одобрительное его слово, подкрѣпляли силы братіи и поддерживали бодрость ея духа. Подъ его надзоромъ работали сотни рукъ, и все преобразилось, все освободилось отъ хаоса и заговорила многими голосами жизнь на мертвыхъ островахъ. Въ настоящее время ихъ холмы покрыты березовыми рощами и стройными мачтовыми лѣсами, испещренными тропинками. Тамъ гуляютъ олени, многочисленныя стада пасутся на тучныхъ лугахъ, шумно ходятъ подъ напоромъ волны громадныя колеса „Филипповой мельницы“, и не вѣрится теперешнимъ инокамъ что этотъ

благословенный клочокъ земли страшилъ когда-то воображеніе своею суровостью и непроницаемою глушью.

Этимъ не ограничилась дѣятельность игумена: пустивъ стада на пастбища и лапландскихъ оленей въ лѣса, онъ умножилъ число соляныхъ варницъ и огородовъ, и приступилъ къ разработкѣ желѣзной руды. Прочныя, массивныя зданія быстро возвышаются одно за другимъ; въ чащѣ лѣсовъ строютъ для отшельниковъ скитъ съ келіями и службами; здѣсь ставятъ обширный скотный дворъ, тамъ двухъ и трехъэтажные корпуса для братскихъ ломѣщеній, заводъ для выдѣлки оленьихъ кожъ, дальше устраиваютъ гавань, а морской берегъ уже окованъ каменною пристанью, и для безопасности судовъ заливъ усѣянъ насыпями, съ высокими крестами вмѣсто маяковъ.

Между тѣмъ все уже готовится для сооруженія храма. Но не хочется игумену тратить безъ необходимости монастырской казны, и онъ ставитъ свой собственный кирпичный заводъ. Все килитъ лодъ руками Филилла; однако онъ бережетъ рабочія силы: *машины*, волы и лошади замѣняютъ ло возмож-

ности людей. „На сушило рожь * носили многіе братія, а Филиппъ игуменъ нарядилъ телѣгу“, повѣствуетъ съ наивнымъ удивленіемъ соловецкій лѣтописецъ, „сама насыпается, да и привезетца, да и сама и высеплетъ рожь на сушило“.—„Да Филиппъ игуменъ доспѣлъ сѣвальню“, продолжаетъ онъ, „дісетью рѣшеты одинъ старецъ сѣетъ, да при Филиппѣ жь доспѣли рѣшето, само сѣетъ и насыпаетъ и отруби и муку разводитъ розно, да и крупу саможъ сѣетъ и насыпаетъ и разводитъ розно крупу и высѣйки.“

Много страницъ посвятилъ добродушный лѣтописецъ имени Филиппа игумена и громко звучитъ до сихъ поръ это имя въ Соловкахъ. Вездѣ появились слѣды заботливости хозяина: на кухнѣ, на хлѣбнѣ, на трапезѣ. Онъ требовалъ соблюденія постовъ предписанныхъ церковью, но желалъ чтобъ иноки, живущіе въ постоянномъ трудѣ, подкрѣпляли свои силы здоровою и сытною пищей. Онъ входилъ въ малѣйшія подробности вседневной жизни монаха: обувь, одежда, все было усовершенствовано и подчинено извѣстнымъ прави-

* Рожь была привозная.

ламъ. Наконецъ въ монастырѣ была устроена больница.

И все росли Соловецкія богатства.... Дошла до царя Ивана Васильевича молва о подвигахъ игумена Филиппа, того Ѳеодора Колычева котораго онъ любилъ „преизлихо“ бывши еще ребенкомъ, и пожелалъ царь быть вкладчикомъ храма заложеннаго рукой его любимца. Иванъ Васильевичъ прислалъ ему колокола, богатую утварь, золотые кресты, драгоцѣнныя ткани, и грамоту за грамотой на новыя льготы и на владѣніе новыми землями. Не узнавали Соловковъ иноки посѣдѣвшіе на ихъ берегахъ, а престарѣлый Іона, любуясь на своего ученика, вспоминалъ какъ предрекалъ ему главенство надъ обителью.

Филиппа ставало на все: онъ заботился объ участи крестьянъ приписанныхъ къ монастырю, ввелъ у нихъ выборное управленіе, пріучалъ ихъ къ труду и порядку, принялъ мѣры для уничтоженія пьянства, ограждалъ ихъ отъ злоупотребленій, назначилъ имъ добросовѣстныхъ начальниковъ на которыхъ возложилъ строгую отвѣтственность, и свободно допускалъ къ себѣ недовольныхъ и челобитчиковъ. Все

процвѣтало въ монастырѣ и его волостяхъ, неимущіе пользовались обильно его богатствомъ. Обитель принимала странниковъ и сирыхъ, угощала ихъ, одѣляла милостыней. Гостелріимны Савватій и Зосима: они дѣлятся со всѣми своею хлѣбъ-солью.

IX.

Когда молодой Колычевъ покинулъ семейный кровъ, долго отыскивали его родители по городу и по окрестностямъ. Наконецъ они убѣдились что онъ погибъ, и оплакивали его какъ умершаго. Вотъ все что говоритъ на этотъ счетъ его біографъ. Однако можно полагать что отношенія Ѳеодора къ своимъ не были прерваны совершенно. Неизвѣстно когда именно повѣдалъ онъ свое имя Соловецкой братіи, но держать его въ тайнѣ послѣ своего избранія въ настоятели не было надобности, и съ этой минуты не существовало для него причины скрываться отъ родителей. Ужели могъ отшельникъ думать безъ сердечной тоски о слезахъ и страданіи отца и матери? И какъ допустить чтобъ онъ не воспользовался возможностью утѣшить ихъ извѣстіемъ о себѣ? Его характеръ не позволяетъ та-

кого предположенія. Наконецъ, Колычевы были люди не темные, самъ Ѳеодоръ занималъ должность при дворѣ, такъ что весь городъ былъ занятъ таинственнымъ его исчезновеніемъ. Когда же царь получилъ челобитную отъ новаго игумена Соловецкой братіи, нѣтъ сомнѣнія что Москва заговорила опять объ этомъ Ѳеодорѣ, котораго считала такъ долго умершимъ, и что родители его вошли бы въ сношенія съ дорогимъ и горько оплаканнымъ сыномъ еслибъ онъ самъ не обратился уже къ нимъ. Можно заключать что отношенія его къ семейству возстановились съ того времени когда онъ сталъ игуменомъ, если не раньше.

Два года послѣ его назначенія * царь Иванъ вызналъ его къ себѣ для совѣщаній о своемъ Судебникѣ... И вотъ Филиппъ опять въ Москвѣ... Не знаемъ что̀ шевельнулось въ его душѣ когда онъ увидалъ родимый городъ, когда вошелъ лодъ кровъ который покинулъ тринадцать лѣтъ тому назадъ странникомъ и нищимъ; не знаемъ какъ выразилась его радость при встрѣчѣ съ отцомъ и матерью, какъ онъ принялъ ихъ

* Филиппъ былъ избранъ игуменомъ въ 1548 году.

благословеніе и въ свою очередь благословилъ ихъ пастырскимъ крестомъ; какъ, наконецъ, домашніе собрались вокругъ него слушать повѣсть о его прибытіи на дикіе Соловецкіе острова. Вообще мы не находимъ въ его жизнеописаніи подробностей о его пребываніи въ Москвѣ. Извѣстно только что царь принялъ его съ лаской и почетомъ, угощалъ въ томъ самомъ дворцѣ гдѣ игралъ ребенкомъ на его колѣнахъ и пожертвовалъ ему два богатые покрова для мощей Соловецкихъ угодниковъ. Не знаемъ также когда именно лишился Филиппъ родителей, но лишь въ 1561 году внесъ онъ въ заупокойный монастырскій помянникъ имена своего отца, брата и матери: вѣроятно они недолго пережили другъ друга, и такъ какъ извѣстія доходили не часто изъ Москвы до Соловковъ, не мудрено что Филиппъ узналъ разомъ о кончинѣ всѣхъ троихъ. Мать его постриглась и скончалась въ одной изъ московскихъ обителей, гдѣ и похоронена.

X.

Богатое наслѣдіе полученное отъ родителей Филиппъ употребилъ на давно уже задуманныя преобразованія. Онъ

любилъ Соловки какъ свойственно человѣку любить свое созданіе. Эти острова, о которыхъ онъ мечталъ еще отрокомъ, ихъ благосостояніе, малѣйшая подробность до нихъ касавшаяся, сдѣлались единственною цѣлью его жизни. Онъ приказалъ дополнить монастырскую лѣтопись и съ особенною заботливостью возстановилъ давно забытую церковь, которой имя нераздѣльно съ преданіями обители. Лѣтописецъ повѣствуетъ что преподобный Савватій, жившій одинъ посреди лѣсовъ и болотъ Соловецкихъ, почувствовалъ приближеніе смерти и пожелалъ пріобщиться Святыхъ Таинъ. Сѣвъ на лодку, послѣ двухдневнаго плаванія причалилъ онъ къ берегу. Тутъ онъ принялъ Святые Дары и скончался. Его похоронили у церкви Св. Троицы. Зосима же, когда основалъ свой монастырь, перенесъ въ него останки Савватія, а убогая Троицкая церковь, къ коей не было приписано ни земли, ни прихода, осталась въ запустѣніи. Въ продолженіе цѣлыхъ сорока лѣтъ не раздавалось въ ней молитвы; заросли ведшія къ ней тропинки. Она стояла въ монастырскихъ владѣніяхъ: Филиппъ возобновилъ ее. Онъ же отыскалъ Псалтирь и служебныя ри-

зы Зосимы, и всѣ богатства которыми обладалъ старецъ Савватій въ своей пустынѣ: каменный крестъ и икону Божіей Матери. Эта святыня хранится до сихъ поръ въ обители. Филиппъ самъ вычинилъ найденныя имъ ризы и любилъ ихъ надѣвать въ праздничную службу.

Въ продолженіе восемнадцатилѣтняго его игуменства не прекращались работы въ Соловкахъ. Завершивъ одну, приступали къ другой. Воздвигнутъ каменный храмъ Успенія Божіей Матери. Надъ нимъ работали цѣлыхъ пять лѣтъ зодчіе вылисанные изъ Новгорода и „красну воздвиже церьковь“: 82 сажени въ окружности, съ погребами, просвирнею и хлѣбною подъ сводами. Игуменъ, облеченный въ ризы преподобнаго Зосимы, освятилъ въ самый день Успенія церковь обогащенную царскими вкладами; братія любовалась ея великолѣпіемъ, а неутомимый Филиппъ мечталъ уже о закладкѣ другаго собора.

— Отче, говорили удивленные иноки,—наша казна оскудѣла.

— Богъ поможетъ, отвѣчалъ Филиппъ, и въ слѣдующемъ же году заложилъ на 170 квадратныхъ саженяхъ Преображенскій соборъ. Его поддерживаютъ два

массивные столба. Ко главному алтарю примыкаетъ придѣлъ во имя Зосимы и Савватія, гдѣ и почиваютъ теперь ихъ мощи. Сооруженіе храма продолжалось восемь лѣтъ, подъ неусыпнымъ наблюденіемъ Филиппа, который раздѣлялъ не разъ труды каменщиковъ и плотниковъ. Онъ слѣдилъ съ нетерпѣніемъ и любовью за успѣхами работы. Не думалось ему чтобъ онъ могъ живой или мертвый разстаться съ Соловецкою пустыней, которой отдалъ всю свою жизнь, и которую призвалъ къ жизни, и онъ назначилъ мѣсто своего погребенія подъ папертью недостроенной еще церкви. Здѣсь онъ похоронилъ со скорбію возлюбленнаго своего наставника Іону; Филиппъ пожелалъ лечь около него и вырылъ собственными руками для себя могилу...

Работы подходили къ концу; игуменъ уже приготовилъ церковныя книги и богатую утварь. „Иконами же украси и книгами“, говоритъ его біографъ, „яко невѣсту ризами, поволоками драгими, и подсвѣчниками златокованными, и кадилами“. Но не суждено было ему видѣть завершенія своего дѣла: царь Иванъ Васильевичъ вызвалъ его въ царствующій градъ, „духовнаго ради совѣта“.

Съ тѣхъ поръ какъ Филиппъ былъ избранъ игуменомъ, онъ ѣздилъ уже два раза въ Москву, однако извѣстіе о царской грамотѣ болѣзненно поразило иноковъ. Смутное ли предчувствіе волновало ихъ души? Почему было имъ такъ горько разставаться теперь съ Филиппомъ? Смутилось грустію и его сердце, но онъ старался преодолѣть себя и поддержать бодрость братіи. Онъ уговаривалъ всѣхъ уповать на Бога и довѣрить себя молитвамъ Соловецкихъ угодниковъ, далъ свои наставленія, просилъ не забывать монастырскихъ правилъ. Въ день назначенный для отъѣзда онъ отслужилъ обѣдню, и всѣ иноки пріобщились вмѣстѣ съ нимъ, какъ члены одной семьи; потомъ сѣли за общую трапезу. По окончаніи обѣда всѣ пошли къ пристани. Тамъ игуменъ благословилъ плакавшую братію, и покинулъ берегъ. Раздалось печальное прости... Прости мирная обитель, прости чудный домъ Зосимы и Савватія! Тридцать лѣтъ тому назадъ стремился къ тебѣ, въ порывѣ неудержимаго восторга, молодой Ѳеодоръ, и съ послѣднею молитвой, съ послѣднимъ благословеніемъ покидаетъ тебя на вѣки старецъ Филиппъ.

XI.

Царю Ивану Васильевичу было тогда тридцать шесть лѣтъ, но злоба и оргіи состарили его преждевременно и исказили правильныя черты его лица. Онъ смотрѣлъ свирѣпо и мрачно; на головѣ его и бородѣ вылѣзли почти всѣ волосы; безпокойный взглядъ блуждалъ изъ стороны въ сторону. Природная жестокость, унаслѣдованная отъ матери, и лишь на время подавленная вліяніемъ Сильвестра, дошла наконецъ до размѣровъ несовмѣстныхъ со здравымъ умомъ. Облеченный въ монашескую рясу, ольянѣвшій отъ пролитой крови, отъ разврата и вина, обезумѣвшій отъ страха ад·, онъ клалъ земные поклоны до истощенія силъ, до синяковъ на лбу, плакалъ, каялся въ своихъ грѣхахъ, — а выходя изъ церкви сгонялъ на площадь палачей и жертвы, и дико хохоталъ при видѣ чудовищныхъ казней. Земщина, выданная на разграбленіе и поруганіе опричины, которая свирѣпствовала въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, походила на край опустошенный непріятелемъ. Крестьяне, завидя издали всадниковъ

съ метлами и песьими мордами, * покидали свои села. Опричники, при крикахъ: гайда! гайда! преслѣдовали ихъ мучили, убивали, жгли ихъ дома. Женщины лишали себя жизни чтобы не попасть въ руки злодѣевъ. Люди именитые погибали въ пыткахъ. Вездѣ царствовалъ тупой ужасъ; молчали оцѣпенѣвшіе отъ страха бояре, молчалъ народъ. Замолкла наконецъ и церковь.

Она сохраняла издревле обычай *печаловаться* объ опальныхъ, не забывала ихъ въ своихъ молитвахъ, била за нихъ челомъ князьямъ; но и ея голосъ былъ теперь подавленъ. Іоаннъ въ выраженіи сострадания къ его жертвамъ видѣлъ оскорбленіе своей власти. Въ грамотѣ гдѣ онъ излагалъ причины своего неудовольствія на все и на всѣхъ, онъ упоминалъ, между прочимъ, и о томъ что духовныя лица заступаются за виновныхъ,—стало-быть стоятъ съ ними заодно. Съ этой минуты все умолкло, кромѣ голоса самого царя, его опричниковъ и палачей. Послѣ кончины ми-

* Опричники носили, какъ извѣстно, метлы и собачьи головы, въ знакъ того что кусаются какъ собаки, охраняя царя, и выметаютъ его лиходѣевъ.

трополита Макарія, Аѳанасій занялъ святительскій престолъ, но испуганный порядкомъ вещей, скоро удалился на покой въ Чудовъ. Тогда былъ вызванъ въ Москву архіепископъ казанскій, благочестивый старецъ Германъ. Немедленно послѣ своего пріѣзда онъ представился Іоанну и завелъ съ нимъ бесѣду о христіанскомъ покаяніи. Царь почуялъ упрекъ въ его рѣчахъ, возненавидѣлъ Германа и приказалъ изгнать его изъ столицы. Однако митрополичій престолъ не могъ оставаться празднымъ, и Іоаннъ изъявилъ желаніе отдать его Соловецкому игумену. Духовенство и бояре поддержали этотъ выборъ, надѣясь найти сильную опору въ Филиппѣ.

И Филиппъ былъ вызванъ въ Москву.

XII.

Много различныхъ струнъ звучало въ горячей душѣ Филиппа. Родись онъ въ Средніе Вѣка, на отдаленномъ Западѣ, онъ поднялъ бы ополченіе на невѣрныхъ, былъ бы ораторомъ или вождемъ народнымъ; родись онъ въ первыя времена христіанства, онъ боролся бы противъ языческаго міра, пока не водрузилъ, какъ неустрашимый боецъ Па-

велъ, знамени новой вѣры на одряхлѣвшей почвѣ. Игуменскій жезлъ пробудилъ въ душѣ отшельника геній дѣятеля, а столкновеніе съ Іоанномъ—духъ героя и твердость мученика.

Когда онъ пріѣхалъ въ Москву, царь принялъ его съ обычною благосклонностью, и объявилъ что желаетъ облечь его въ первосвятительскій санъ. Сжалось сердце Филиппа: онъ вспомнилъ о Соловкахъ, о братіи, о своей обители.

— Оставь меня въ моей пустынѣ, царь, молилъ онъ,—самого Бога ради, оставь.

И заплакалъ старецъ.

Но Іоаннъ настаивалъ; онъ поручилъ боярамъ и духовнымъ лицамъ уговаривать Филиппа, а Филиппъ сталъ упрекать епископовъ въ томъ что они смотрѣли молча на беззаконія Іоанна.

— Пускай молчатъ бояре, говорилъ онъ, — они связаны житейскими выгодами, а намъ подобаетъ служить истинѣ, хотя бы пришлось души наши положить за паству.

На ихъ увѣщанія онъ сказалъ наконецъ: „Если и приму митрополію, то на условіи чтобы царь уничтожилъ опричину.“

Эти слова пришлись не по сердцу

Іоанну, но Филиппъ не убоялся, и при свиданіи сказалъ ему не обинуясь:

— Повинуюсь твоей волѣ, но отставь опричину; а не отставишь, нельзя мнѣ быть митрополитомъ. Твое дѣло не богоугодное. Самъ Господь сказалъ: аще царство раздѣлится, запустѣетъ; на такое дѣло нѣтъ и не будетъ тебѣ нашего благословенія.

— Отче, отозвался Іоаннъ, — возсташа на мя мнози, мои же хотятъ меня поглотить.

— Никто не замышляетъ противъ твоей державы, отвѣчалъ Филиппъ:— мы всѣ приняли отъ нашихъ отцовъ заповѣдь чтить царя; показывай намъ примѣръ добрыми дѣлами, а грѣхъ влечетъ тебя въ геенну огненную. Хоть и посвятятъ меня, я все-таки не останусь на митрополіи, или соедини всю землю воедино, какъ прежде было.

Царь, надѣявшійся видѣть на святительскомъ престолѣ угодника своимъ страстямъ, понялъ что ошибся въ разчетѣ, что Филиппъ не смолчитъ предъ нимъ, не уступитъ ему дороги, не склонитъ геройской головы предъ его неправдой, но отступать не хотѣлъ. Сопротивленіе раздражило его упрямство: онъ злился на игумена, на епископовъ, на

бояръ, и захотѣлъ поставить на своемъ во что бы то ни стало. Окруженный орудіями пытки, висѣлицами и палачами, онъ робѣлъ однако при мысли что его грубая сила придетъ въ столкновеніе съ духовною силой Филиппа; онъ чуялъ въ немъ неотразимаго бойца, и рѣшивъ что игуменъ будетъ митрополитомъ, царь Иванъ Васильевичъ, царь Грозный, принялъ всѣ мѣры для огражденія своей независимости отъ посягательства этого монаха, котораго могъ уничтожить единымъ словомъ, единымъ взглядомъ. Надо было связать Филиппа письменнымъ обѣщаніемъ. По приказанію государя, бояре и духовныя лица залуганные угрозами приступили къ игумену съ новыми мольбами. Они просили его именемъ самого Бога принять митрополію, но подписать напередъ грамоту, съ обязательствомъ не вступаться въ „царскій домовый обиходъ“ и не покидать, ни въ какомъ случаѣ, святительскаго престола.

Неизвѣстно на какіе доводы сдался Филиппъ: можетъ-быть самая опасность предлагаемаго ему положенія отклонила его отъ отказа, который походилъ бы на робость; можетъ-быть Іоаннъ далъ ему обѣщаніе измѣнить свой

образъ жизни. По крайней мѣрѣ вѣрно то что въ первое время послѣ поставленія Филиппа прекратились пытки и казни: по выраженію Карамзина, „чудовище вздремало“. Какъ бы то ни было, Филиппъ согласился принять митрополію. Онъ приложилъ руку къ грамотѣ, скрѣпленной подписью пяти духовныхъ лицъ, и въ „царскій домовый обиходъ не вступался“: но чувствовалъ, точно также какъ Іоаннъ, что борьба неминуема, и приготовился къ борьбѣ.

XIII.

Филиппъ былъ посвященъ въ Успенскомъ соборѣ 25го іюля 1566. Народъ толпился на площади, а знать во храмѣ, гдѣ присутствовалъ также царь со всѣмъ своимъ семействомъ. По окончаніи литургіи онъ привѣтствовалъ новаго митрополита рѣчью и вручилъ ему архипастырскій посохъ. Торжественность церемоніи, видъ гробницы Петра митрополита, все вдохновляло Филиппа. Онъ обратился къ Іоанну „богоносенъ весь“, по выраженію біографа, и произнесъ въ свою очередь:

„Царю благочестивый, великихъ благъ сподобленъ ты отъ Бога, но ты долженъ и воздать Ему съ лихвой... Воз-

дай же Благодѣтелю долгъ благохваленія, памятуя что и долгъ Онъ пріемлетъ какъ даръ, и за возвращенный долгъ воздаетъ новыми дарами безмѣрно. Облекись духомъ кротости, приклони свой слухъ къ нищимъ, страждущимъ, и уши Господни будутъ къ молитвамъ твоимъ, ибо подобаетъ и намъ помиловати клевретъ своихъ если желаемъ обрѣсти себѣ помилованіе у Господа. Многоочитый царскій умъ, какъ всегда бодрствующій кормчій, наблюдаетъ пути закона и истины. Отвращайся, о государь! льстивыхъ словесъ ласкателей: они—какъ враны хищные; но сіи лишь тѣлесные исклевываютъ очи, а тѣ душевныя ослѣпляютъ мысли и заслоняютъ собою свѣтъ благотворной истины, хвалятъ хулы достойное, порицаютъ достохвальное. Да не возмогутъ же укрыться отъ тебя ихъ коварства и козни. Доброчестіе паче всего украшаетъ вѣнцы царей; и богатство отходитъ, и держава мимо грядетъ, и слава земная преходитъ, но слава жизни праведной одна съ вѣками вѣковъ продолжаетъ бытіе!... Отвергай славу человѣкоугодниковъ, но принимай съ любовію совѣтъ правдивый. Наказывай льстецовъ, карай злодѣевъ, смиряй, по-

бѣждай враговъ оружіемъ; но памятуй что для монарха славнѣе всѣхъ лобѣдъ тѣ которыя пріобрѣтаетъ онъ надъ сердцами подданныхъ любовію безоружною! Еще же, да стоитъ твердо и нелоколебимо святая православная вѣра, да сокрушатся ереси, да процвѣтаетъ ученіе святыхъ апостоловъ и преданія божественныхъ отцовъ, и тѣмъ да содѣлаешься ты истиннымъ Божіимъ слугой, о государь, царь православный!“

Іоаннъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа: онъ милостиво выслушалъ рѣчь, пригласилъ митрополита во дворецъ и угостилъ его роскошнымъ обѣдомъ.

XIV.

Не видать изъ жизнеописанія Филиппа въ какихъ отношеніяхъ находился онъ съ родственниками которыхъ нашелъ въ Москвѣ; знаемъ только что онъ особенно любилъ Венедикта, сына умершаго брата своего Бориса. Но ни эта привязанность, ни обширная дѣятельность не могли утѣшить изгнанника: онъ тосковалъ о покинутой обители какъ о покинутой родинѣ, и старался окружить себя живыми воспоми-

наніями о ней. На дворѣ митрополичьемъ выстроилъ онъ во имя Соловецкихъ угодниковъ церковь, гдѣ любилъ молиться въ минуты душевной тоски. Съ какою радостію встрѣтилъ онъ іеромонаха Спиридона, присланнаго отъ братіи объявить царю и митрополиту что храмъ Преображенія освященъ и принялъ подъ свои своды мощи Зосимы и Савватія! Онъ не переставалъ заботиться о своей пустынѣ и распоряжался даже работами которыя не успѣлъ окончить при себѣ.

Москва отдыхала не долго: „вздремнувшее чудовище“ проснулось и потребовало опять крови. Настала та эпоха которую Карамзинъ называетъ третьею эпохой убійствъ. Врядъ ли кто прочтетъ не содрогнувшись подробности пытокъ и казней которыми потѣшался Іоаннъ. Много жертвъ пало отъ его руки. Цѣлыя боярскія семейства погибали въ мукахъ; опричники, вооруженные ножами и сѣкирами, бѣгали по городу и убивали встрѣчныхъ; на улицахъ и на площадяхъ валялись трупы, которыхъ никто не смѣлъ погребать; испуганные горожане не рѣшались выходить изъ домовъ. Филиппъ пытался было усовѣстить Іо-

анна, но Іоаннъ видѣлъ уже въ немъ орудіе боярской крамолы, уже ненавидѣлъ и избѣгалъ его. Онъ переѣхалъ изъ Кремля во дворецъ который выстроилъ себѣ у Рязположенскихъ воротъ и окружилъ себя исключительно опричниками. Кончилось тѣмъ что царь и митрополитъ встрѣчались лишь въ церкви. Филиппъ не пропускалъ случая карать всенародно Іоанна своимъ неподкупнымъ словомъ:

— Лишь тотъ властелинъ, о, царь, говорилъ онъ,—кто самъ собою обладаетъ, кто не работаетъ страстямъ, у кого державствуетъ умъ... Тебѣ данъ скипетръ земной силы, дабы научились человѣки правду хранить... Никогда при твоихъ праотцѣхъ не бывало того что̀ ты творишь...

— Что̀ тебѣ чернецу до нашихъ царскихъ совѣтовъ, отозвался Іоаннъ.

— То правда что я чернецъ, отвѣчалъ святитель,—но я пастырь Церкви Христовой и *за едино* съ тобою долженъ имѣть попеченіе о благочестіи и мирѣ всего православнаго христіанства.

— *Едино*, отче честный, говорю тебѣ, молчи! молвилъ озлобленный Іоаннъ.

— Наше молчаніе, продолжалъ Филиппъ,—налагаетъ грѣхъ на твою ду-

шу и наноситъ всенародную смерть. Если дерзаешь попирать законы, твори что̀ хочешь, для меня же настало время подвига и не подобаетъ мнѣ ослабѣвать.

Но все было напрасно; казни слѣдовали за казнями; кто погибалъ въ волнахъ, кто отъ меча, кто отъ огня. Каждый день приносилъ новыя напасти, и никто не ждалъ спасенія. Москвичи бѣжали толпой къ митрополиту, въ которомъ видѣли свою единственную защиту. Стоны и рыданія раздавались съ утра до ночи въ его палатахъ. Душевная скорбь не сокрушила могучаго сердца Филиппа: онъ зналъ что „настало время его подвига“, что не минуетъ его месть Іоанна, и шелъ съ какимъ-то упоеніемъ на встрѣчу близкой смерти. Онъ одинъ поддерживалъ въ народѣ вѣру и бодрость духа, обѣщая что до послѣдней минуты не умолкнетъ его голосъ.

— Не скорбите, о, чада! говорилъ онъ, — ужь и сѣкира у корня лежитъ; не земныя блага обѣщаетъ намъ Господь, а небесныя. Я же радуюсь что приму страданія за васъ. Вы—мой отвѣтъ предъ Богомъ, и вы—вѣнецъ мой отъ Бога.“

И вдохновенная его рѣчь, и величественный видъ успокоивали плачущую толпу.

XV.

Воскресенье. Народъ тѣснился въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ служилъ митрополитъ. Вдругъ заколыхалась толпа, ряды ея сдвинулись и очистили широкое пространство между входомъ и святительскимъ мѣстомъ, на которомъ стоялъ Филиппъ уже въ полномъ облаченіи: въ дверяхъ показался царь Иванъ, а за нимъ толпа вооруженныхъ опричниковъ, въ высокихъ халдейскихъ шлыкахъ и черныхъ рясахъ, надѣтыхъ на цвѣтные кафтаны. Между тѣмъ какъ народъ глядѣлъ съ удивленіемъ на соблазнительный нарядъ пришельцевъ, царь подошелъ къ Филиппу чтобъ принять его благословеніе. Но митрополитъ, не взглянувъ на него, остановилъ неподвижный взоръ на иконѣ Спасителя. Три раза Іоаннъ преклонялъ напрасно голову и протягивалъ руку. Въ соборѣ воцарилось безмолвіе: всѣ ожидали, притаивъ дыханіе, неминуемой грозы. Наконецъ одинъ изъ опричниковъ обратился къ Филиппу:

— Владыко святый, молвилъ онъ,—

благочестивый государь царь Иванъ Васильевичъ требуетъ твоего благословенія.

Филиппъ обратился къ Іоанну и посмотрѣлъ на него пристально.

— Побойся Бога, началъ онъ,—постыдись своей багряницы! Кому поревновалъ ты, исказивъ благолѣпіе твоего лица? Что ты творишь? Съ тѣхъ поръ какъ свѣтитъ солнце на небѣ, не слыхано чтобы благочестивые цари возмущали собственную державу; у всѣхъ народовъ есть правда и законъ, а у насъ ихъ нѣтъ. Мы приносимъ Господу безкровную жертву, а за алтаремъ льется невинная кровь христіанская.

— Филиппъ,крикнулъ Іоаннъ, и жезлъ его застучалъ о чугунныя плиты храма, — Филиппъ! или смѣешь ты противиться нашей державѣ? Увидимъ велика ли твоя крѣпость!

— Не устрашатъ меня мученія, сказалъ твердымъ голосомъ святитель,— я пришлецъ и пересельникъ на землѣ, я подвизаюсь за истину, и хотя бы мнѣ пришлось лишиться сана и лютыя страданія претерпѣть, не смирюсь предъ тобою!

Народъ внималъ молча словамъ пастыря; взбѣшенный Іоаннъ бросился

къ дверямъ; его ватага послѣдовала за нимъ, а въ Успенскомъ соборѣ продолжалось богослуженіе.

XVI.

При великомъ князѣ Василіи Васильевичѣ, стояла въ Благовѣщенскомъ соборѣ икона Божіей Матери, вывезенная, по неизвѣстному случаю, изъ Смоленска. Смоляне просили Василія возвратить ихъ городу принадлежащую ему святыню. Василій созвалъ своихъ бояръ и митрополита, и рѣшили, общимъ совѣтомъ, отослать икону въ Смоленскъ, но приказано было предварительно снять съ нея списокъ, который поставили въ Благовѣщенскій соборъ, на мѣсто подлинника. Великій князь съ боярами, съ московскими жителями и съ крестнымъ ходомъ, провожалъ Смоленскую икону изъ Кремля до того мѣста гдѣ былъ воздвигнутъ въ послѣдствіи монастырь на Дѣвичьемъ Полѣ. Тамъ остановились, отслужили соборный молебенъ и отпустили икону. Болѣе полустолѣтія прошло съ тѣхъ поръ: великій князь Василій Ивановичъ праздновалъ взятіе Смоленска. Въ честь одержанной побѣды, онъ соорудилъ монастырь, который посвятилъ

имени Божіей Матери, и въ память того дня когда его дѣдъ, во главѣ московскихъ жителей, поклонился въ послѣдній разъ Смоленской иконѣ учредилъ крестный ходъ изъ кремлевскихъ соборовъ въ обитель*.

Два года послѣ поставленія Филиппа, въ день крестнаго хода, Москвичи длинною вереницей проводили, по обычаю, чрезъ широкое поле кресты и хоругви и отслушали обѣдню въ Дѣвичьемъ монастырѣ. По окончаніи службы, митрополитъ обошелъ, при колокольномъ звонѣ, стѣны обители. У святыхъ воротъ, предъ чтеніемъ Евангелія, онъ обернулся къ толпѣ со словами: „миръ всѣмъ“, и остановился: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя онъ увидѣлъ посреди царскихъ дружинниковъ человѣка съ тафьей на головѣ: татарскій нарядъ, ненавистный народу, поразилъ Филиппа:

— Царь, сказалъ онъ, возвышая голосъ,—по нашему христіанскому закону слушаютъ съ непокрытою головой Евангеліе. Откуда же взялся у насъ обычай агарянскій? Давно ли покрываютъ голову при евангельскомъ чтеніи?

* 28го іюля. Этотъ день празднуютъ до сихъ поръ крестнымъ ходомъ.

— Кто покрылъ голову? спросилъ Іоаннъ.

— Одинъ изъ твоихъ царскихъ совѣтниковъ, отвѣчалъ Филиппъ: взгляни!

Опричникъ успѣлъ уже сорвать съ головы и спрятать тафью. Іоаннъ обратился къ толпѣ и потребовалъ чтобъ ему указали виновнаго. Никто не посмѣлъ обличить царскаго любимца. Опричники ненавидѣли митрополита и обрадовались возможности повредить ему.

— Онъ не истину молвилъ, царь! онъ обмануть тебя хотѣлъ! онъ ругается твоей державѣ! крикнуло разомъ нѣсколько голосовъ.

И между тѣмъ какъ лживыя и бранныя слова раздавались около него, Филиппъ продолжалъ божественное служеніе и пѣлъ торжественнымъ голосомъ: „Аще ополчится на мя полкъ, не убоится сердце мое“. *

XVII.

Іоаннъ положилъ во что̀ бы то ни стало погубить Филиппа, но казнить его, какъ многихъ изъ своихъ жертвъ, безъ видимаго даже предлога, онъ не рѣшался, потому что народъ смотрѣлъ

* Псаломъ 26.

на митрополита какъ на святаго, и царь боялся возмущенія. Необходимо было взвести на Филиппа какое-нибудь обвиненіе. Дѣло представляло много затрудненій въ городѣ гдѣ митрополитъ былъ извѣстенъ своимъ благочестіемъ и строгостію своей жизни. Іоаннъ придумалъ отправить въ Соловки его недруговъ въ надеждѣ что тамъ легче будетъ найти лжесвидѣтелей. Суздальскій епископъ Паѳнутій, архимандритъ Ѳеодосій и князь Василій Темкинъ выѣхали съ этою цѣлью изъ Москвы. Они прибыли съ военнымъ конвоемъ въ Соловки, гдѣ все жило и дышало именемъ Филиппа, и приступили къ дѣлу. Вся братія стояла за бывшаго своего игумена. Однако возвратиться безъ свидѣтельства противъ него было не мыслимо: царь ждалъ доносовъ. Паѳнутій переговорилъ съ настоятелемъ Паисіемъ и подкупилъ его совѣсть обѣщаніемъ епископскаго сана. Нѣсколько иноковъ соблазнились его примѣромъ, и послы, „сплетши совѣтъ неправеденъ и грѣшенъ“, по выраженію біографа, вернулись въ Москву со лжесвидѣтелями и со спискомъ показаній.

Съ немалою радостію принялъ ихъ Іоаннъ; онъ успѣлъ, съ своей стороны,

добыть нѣсколько навѣтовъ, и приказалъ немедленно боярамъ и епископамъ собряться въ Успенскій храмъ для суда надъ митрополитомъ.

Наступилъ назначенный день. * Царь и его сподвижники прибыли въ соборъ. Подсудимый, облеченный въ святительскія ризы, былъ приведенъ и поставленъ предъ ними. Изъ обвинителей не было ни одного налицо. Когда доносы были прочтены вслухъ, Филиппъ, не проговоривъ ни слова въ свое оправданіе, обратился къ Іоанну:

— Государь, молвилъ онъ,—или ты думаешь что я боюсь тебя и боюсь смерти за правое дѣло? Мнѣ за шестьдесятъ лѣтъ: я жилъ честно и безпорочно, такъ хочу и душу мою предать Богу, Судіи твоему и моему. Лучше мнѣ принять мученія и смерть нежели быть митрополитомъ при такихъ мучительствахъ и такихъ беззаконіяхъ. Творю тебѣ угодное: вотъ мой жезлъ, клобукъ, мантія, я больше не митрополитъ.

Онъ сложилъ съ себя знаки своего святительства, потомъ обратился къ стоявшему тутъ духовенству:

— А вамъ, духовные отцы, оставляю наказъ: пасите стадо ваше, помните что

* 4го ноября.

вы отвѣчаете за него предъ Богомъ. Я же предаю душу свою и себя въ руки Господа.

При этихъ словахъ онъ повернулся къ дверямъ чтобъ уйти. Твердость его взбѣсила Іоанна:

— Ты хитро хочешь избѣжать суда, крикнулъ онъ,—не тебѣ судить самого себя, дожидайся суда другихъ и осужденія. Надѣвай снова одежду: ты будешь служить обѣдню въ Михайловъ день.

Филиппъ возвратился, молча надѣлъ свою одежду и взялъ жезлъ.

Въ числѣ духовныхъ лицъ призванныхъ на судъ иные были преданы святителю и не стали въ ряды его обвинителей, однако не посмѣли возвысить голоса на его защиту. Мучимые совѣстью, они пришли къ нему каяться въ своей слабости. Онъ отпустилъ ихъ съ прощеніемъ и благословеніемъ. Явился къ нему также со слезами покаянія соборный чтецъ, котораго подучили дать ложное свидѣтельство.

— Да проститъ тебѣ Христосъ, сказалъ ему митрополитъ,—прости и ты грѣшникамъ что научали тебя злу.

Въ день архангела Михаила Филиппъ вошелъ въ Успенскій соборъ и обла-

чился. Вдругъ явился Басмановъ съ толпой вооруженныхъ опричниковъ. Онъ держалъ свитокъ въ рукѣ и сказалъ Филиппу:

— Ты не достоинъ святительскаго сана.

Потомъ онъ велѣлъ прочесть вслухъ заранѣе составленный приговоръ. По окончаніи чтенія опричники бросились на старца, сорвали съ него святительскія одежды и облекли его въ изорванную монашескую рясу. Филиппъ не сопротивлялся, лишь сказалъ народу, пораженному ужасомъ:

— О, чада! скорбно мнѣ разставаться съ вами, но радуюсь что терплю Церкви ради: настало время ея вдовства, и пастыри, какъ наемники, низвержены будутъ.

Но опричники старались заглушить его голосъ: они вытолкали его съ ругательствомъ изъ храма, посадили на дровни и повезли чрезъ Красную Площадь въ Богоявленскій монастырь.* Во время пути они продолжали издѣваться надъ нимъ и били его своими метлами. Народъ провожалъ съ рыданіями печальный поѣздъ, который медленно

* На Никольской.

подвигался въ толпѣ. Филиппъ былъ ясенъ и спокоенъ; онъ осѣнялъ крестнымъ знаменіемъ преклоненныя со всѣхъ сторонъ головы и повторялъ: „молитесь“.

Его сдали настоятелю монастыря и заперли за нимъ ворота обители.

XVIII.

На другой день его привезли, съ такими же ругательствами, на дворъ митрополичій, слушать окончательный приговоръ въ присутствіи царя и епископовъ. Тутъ онъ увидалъ бывшаго ученика своего Паисія, который повторилъ при немъ рядъ вымышленныхъ обвиненій.

— Да будетъ благодать Божія на устахъ твоихъ, чадо, сказалъ ему митрополитъ.—Что сѣетъ человѣкъ, то и пожнетъ; не мое это слово, а Господне.

Его обвиняли во многихъ преступленіяхъ, между прочимъ въ волшебствѣ. Выслушавъ молча приговоръ, онъ сказалъ Іоанну:

— Государь, перестань творить богопротивныя дѣла. Вспомни прежде бывшихъ царей: которые творили добро и по смерти славятся, а которые зломъ царство держали, надъ тѣми и нынѣ

тяготятъ проклятія. Смерть не лобоится твоего сана; оломнись до ея призыва.

Іоаннъ приказалъ забить ему ноги въ деревянныя колодки, руки въ желѣзныя кандалы. Изъ митрополіи его отвезли въ монастырь Николая Стараго и заперли въ подвалъ.

Но месть Іоанна еще не была удовлетворена: онъ придумалъ подвергнуть его новому истязанію и казнилъ нѣсколькихъ его родственниковъ, между прочимъ племянника его, Венедикта. Голову несчастнаго, по приказанію царя, принесли узнику и сказали ему:

— Вотъ голова любимаго твоего сродника, не помогли ему твои чары.

Филиппъ поднялся съ своего мѣста, нѣжно поцѣловалъ и благословилъ голову юноши,потомъ положилъ ее предъ собой, и, сотворивъ земный поклонъ, примолвилъ: „Блажени яже избра и пріятъ Господь: память ихъ отъ рода въ родъ“.

Въ его твердости Іоаннъ видѣлъ поруганіе своей власти и съ досадой, доходившею до бѣшенства, сознавалъ свое безсиліе предъ нимъ. Филиппъ былъ брошенъ въ темницу, былъ окованъ,

спалъ на соломѣ, томился голодомъ; однако Іоаннъ чувствовалъ что Филиппъ не побѣжденъ. Тогда какъ все замирало отъ страха вокругъ грознаго царя, этотъ монахъ не дрогнулъ предъ его гнѣвомъ, сказалъ ему въ глаза что не смирится предъ нимъ, и не смирился. Іоаннъ Васильевичъ чувствовалъ себя униженнымъ; немощная злоба росла съ каждымъ днемъ въ его сердцѣ, а покончить съ митрополитомъ онъ не смѣлъ. Съ утра до ночи народъ толпился около темницы заключеннаго, говорилъ о немъ со слезами, разказывалъ чудеса которыя онъ творилъ въ заточеніи властью своего слова. Опричники прославляли милосердіе царя, народъ прославлялъ святость его жертвы. Сила была на сторонѣ Филиппа, и жутко приходилось Іоанну отъ своего узника. Положеніе становилось съ каждымъ днемъ затруднительнѣе.

Царь рѣшилъ что безопаснѣе удалить митрополита изъ Москвы.

XIX.

Холоднымъ декабрьскимъ днемъ въ Тверской Отрочъ монастырь прибылъ лодъ надзоромъ царскаго пристава старецъ. Онъ дрожалъ отъ стужи подъ

плохою одеждой, исхудалъ отъ голода, отъ утомительнаго лути и грубаго обхожденія своего сторожа. Этотъ старецъ былъ Филиппъ.

Подробности о его пребываніи въ Твери не сохранились, но извѣстно что онъ былъ любимъ и уважаемъ братіей, что онъ молился и ждалъ смерти подобно древнимъ мученикамъ, пѣвшимъ гимны въ ожиданіи костра. Прошелъ цѣлый годъ съ тѣхъ поръ какъ Филиппъ былъ сосланъ въ Тверскую обитель, и ни что не измѣнилось въ его жизни. Рождественскимъ постомъ онъ говѣлъ; пріобщившись онъ былъ особенно свѣтелъ и ясенъ, по словамъ его біографа, и говорилъ инокамъ: „Отшествіе мое близко; насталъ часъ совершенія моего подвига“.

Въ это время царь Іоаннъ Васильевичъ, двинувшись на Новгородъ, остановился не далеко отъ Твери. Онъ не мирился съ мыслію что Филиппъ еще живъ, и отправилъ Малюту Скуратова въ Отрочъ монастырь. Явившись къ настоятелю, Малюта сказалъ ему что присланъ отъ царя, который желаетъ чтобы митрополитъ благословилъ его походъ. Затѣмъ онъ потребовалъ чтобъ ему указали келью узника, и

вошелъ въ нее одинъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился ко братіи, сдѣлалъ строгій выговоръ настоятелю за мнимое небреженіе въ которомъ былъ оставленъ ссыльный, и тутъ же объявилъ что Филиппъ умеръ, что онъ, безъ сомнѣнія, задохся отъ нестерпимаго жара въ своей келіи. Всѣ были поражены ужасомъ и слушали молча. Палачъ, не давъ никому времени опомниться, приказалъ инокамъ взять застулы и слѣдовать за нимъ. У алтарной стѣны соборной церкви Святой Троицы была вырыта, по его приказанію, глубокая яма. Въ нее опустили не охладѣвшее еще тѣло мученика. Малюта не отходилъ пока могила не была засыпана. Онъ торопился скрыть слѣды насильственной смерти, и не сказано въ лѣтописи чтобы былъ совершенъ надъ Филиппомъ обрядъ погребенія.

XX.

Протекло около столѣтія.

Рано загудѣли московскіе колокола 9го іюля 1652 года. Жители города были на ногахъ и спѣшили покинуть свои домы. Изъ Кремлевскихъ воротъ выходилъ крестный ходъ, за нимъ шелъ въ становомъ золотомъ кафтанѣ и цар-

скомъ вѣнцѣ царь Алексѣй Михайловичъ, окруженный дворомъ. Всѣ были въ блестящихъ нарядахъ. Толпы народа занимали пространство отдѣляющее Кремль отъ нынѣшней Крестовской заставы. Москва ожидала въ этотъ день давно желанную святыню: мощи Митрополита Филиппа.

Святитель возвращался, послѣ долгой ссылки, въ свою паству. Онъ уже двадцать два года покоился въ Отрочъ монастырѣ, когда Соловецкій игуменъ Іаковъ явился въ Москву именемъ всей братіи бить челомъ царю Ѳеодору Іоанновичу и просить его о перенесеніи останковъ Филиппа въ возлюбленную имъ обитель. Тамъ его похоронили въ могилѣ вырытой его руками около могилы Іоны. Но царь Алексѣй Михайловичъ хотѣлъ видѣть его въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ раздавалось праведное слово пастыря „на престолѣ его преждебывшимъ“. Онъ отправилъ въ Соловки за его тѣломъ митрополита Новгородскаго и Великолуцкаго Никона, тоже соловецкаго слодвижника, и уготовилъ Святителю торжественную встрѣчу подъ стѣнами города....

1 В Му '09

Deacidified using the Bookkeeper process
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Nov. 2005

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATIO
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
0 014 239 251 3